

ТЕОРИЯ ЛАКАНА И “СЧАСТЬЕ” НА САМОА

Психоанализ изучает человека и, как правило, говорит о человеке *вообще*. Но уже в 20-х годах XX- го века исследования в области культурной антропологии показали, что это не совсем корректно. В частности, Малиновский поставил под сомнение универсальность эдипова комплекса, ссылаясь на многообразие исторических форм семьи и брака. Стало очевидным, что термин “эдипов комплекс” имеет смысл применять только к субъекту, выросшему в семье одного типа. Также стало ясным, что психоанализ, будучи явлением европейским, в своих претензиях на всеобщность забывает о том, что на самом деле все его построения касаются лишь одного *типа человека*, человека, живущего и формирующегося в совершенно определенных культурных условиях. Основатель одной из влиятельнейших антропологических школ, защитник позиций культурного детерминизма Франц Боас говорил: “Фундаментальная трудность, стоящая перед нами, заключается в отделении того, что внутренне заложено в телесной структуре от того, что приобретается при посредстве культуры, в которую включен каждый индивид”.

Задача, которую я ставлю перед собой здесь, подобна задаче Ф. Боаса (с той оговоркой, что меня будет интересовать психическая структура). Для того, чтобы ее решить, а точнее, ответить на вопрос, в какой мере психоанализ имеет право с уверенностью говорить о *человеке*, необходимо выяснить, какой долей всеобщности обладают его теоретические построения, т.е. применимы ли категории и выводы психоанализа к субъекту не-европейской культуры. Областью такого применения мне

послужила культура, описанная Маргарет Мид в работе “Взросление на Самоа”. Психоанализ будут представлять некоторые выкладки из З. Фрейда (во многом понятого лаканиански) и концепция самого Ж.Лакана.

Ж.Лакан утверждает, что З.Фрейд “выделил в человеке регистр определенного типа страдания и недуга, регистр некоего фундаментального конфликта”[2, 117]. И Лакан, и Фрейд исследуют человека как человека вообще и обнаруживают в его существе некий неизбежный, фундаментальный, сущностный конфликт. М. Мид, исследуя процессы взросления на Самоа и самоанского индивида, постоянно сравнивает его психическую организацию (довольно здоровую, бесконфликтную и цельную, на ее взгляд) с личностью американца или европейца, в основании которой почти всегда лежат травма, комплекс, невроз, конфликт. Мид так часто говорит о “меньшем числе невротиков на Самоа”, об “отсутствии неврозов среди самоанцев и распространенности неврозов у нас”, так прямо противопоставляет жизнь в самоанской культуре невротическим биографиям американцев и европейцев, что невольно усомнишься: так ли уж фундаментален для “человека вообще” тот регистр “страдания и недуга”, который обнаружили Лакан и Фрейд в человеке западной цивилизации?

Мы можем и не доверять Мид полностью – нарисованная ею самоанская идиллия со здоровыми индивидами, не знающими внутренних конфликтов и травм, подозрительно напоминает одну из вариаций западного мифа о “счастливом дикаре”. К тому же другой антрополог, Дерек Фримэн, также работавший на Самоа, решительно опровергает как данные полевого исследования Мид, так и сделанные ею выводы. Склонны мы верить Мид или нет, ее концепция интересна как возможный вариант опровержения той всеобщности, на которую, употребляя понятие “человек”, негласно претендовала психоаналитическая теория.

Чтобы проверить саму возможность существования нерасколотого, не-невротичного, не-травмированного, и, в этом смысле, “счастливого” субъекта, следует попытаться наложить на этого субъекта не-европейца лакановскую матрицу Воображаемого - Символического – Реального. Лакан понимает под этими категориями одновременно и основные измерения существования взрослого человека, и стадии лингвистического становления ребенка. Прохождение через эти регистры вводит субъекта в особое человеческое (культурное) измерение; это и есть то, что, по Лакану, превращает детеныша вида *homo sapiens* в человека.

Воображаемое - это тот комплекс иллюзорных представлений, который субъект создает о себе. Это - именно то, что мы называем “своим Я”. Вхождение в регистр Воображаемого, или образование Я, происходит на “стадии зеркала”. Внешне эта стадия заключается в том, что младенец 6-18 месяцев начинает узнавать свое отражение в зеркале. Это событие является прохождением субъекта через механизм первичной идентификации, что оборачивается многочисленными расколами и травмами.

Травматизм Воображаемого связан, в первую очередь, с постулируемым Лаканом фактом “*специфической для человека преждевременности рождения*”. По сравнению с детенышами других млекопитающих, человеческий младенец крайне беспомощен и обделен инстинктами, необходимыми для выживания. Из этого, казалось бы, исключительно биологического факта Лакан делает вывод о наличии в человеке некой изначальной “трещины”, “ззора”. Анатомическая незавершенность нервной системы младенца, отсутствие у него моторной координации делают его внутренний опыт фрагментарным, бесформенным и хаотичным. Когда ребенка, ещё не умеющего даже держаться на ногах, подносят к зеркалу, в своем целостном отражении он уже видит себя будущего, тогда как в настоящем ещё является

“фрагментарным телом”. В этом состоит первый раскол, совершаемый *imago*: будучи целостным, завершенным, идеальным, статуарным визуальным образом, он раздваивает личность на то, что Лакан обозначает как Я(*je*) – хаотичный, фрагментарный опыт – и “мое Я”(*moi*) – идеальная внешняя форма. Второй раскол, совершаемый *imago* в психике человека, неизбежен из-за того, что *imago* всегда внеположено субъекту, но интериоризируется им в свою структуру в качестве “своего Я”. Так, вхождение в регистр Воображаемого и обретение личностью “моего Я” оборачивается неизбежной травмой: отныне субъект оказывается навсегда отчужденным от самого себя, от собственного Я.

Причина неизбежности всех расколов и травм Воображаемого лежит в области до-социального – это органическая недостаточность, “нехватка природного” (или, “нехватка Реального”). Недостаток Реального вынуждает человеческое существо вступать в регистр Воображаемого: посредством этого осуществляется частичная компенсация изначальной нехватки Реального. Следовательно, регистр Воображаемого с его травмами и формированием отчужденного Я должен быть неизменным этапом становления субъекта в любой культуре – только потому, что любой человеческий младенец биологически обделен. Если в “примитивных” культурах нет ритуала подношения к зеркалу, это еще не означает, что ребенок не попадет на “приманку пространственной идентификации”. “Стадия зеркала представляется нам частным случаем функции *imago*”, – говорит Лакан. Ребенку, которого в указанном возрасте родители не подносят к зеркалу, все равно необходима самоидентификация: он идентифицирует себя с другим. Так или иначе, а образ, с которым человек самоотождествляется (а значит, и его Я) будет находиться вне его – неважно, в пространстве зазеркалья или же в Другом.

Процессы, происходящие на “стадии зеркала”, предшествуют

всей социальной диалектике, но, тем не менее, закладывает некоторые ее основы. А именно, они создают фундаментальную зависимость субъекта от Другого (ведь Другой всегда “вклинивается” в “мое Я”, участвуя в процессе его формирования), которая порождает череду бесконечных попыток субъекта укорениться через Другого уже в социальном измерении – в соперничестве, в стремлении получить признание, в любви. Все проявления таких попыток “от стыда до престижа, от шутовства до героизма, в которых человеческое желание целиком открыто навстречу и отдано на милость желанию другого”[1, 293] будут всегда присутствовать в сообществе людей, независимо от характера и установок их культуры.

Если Воображаемое с его травмами лежит в области до-социального, то искать существенные отличия между представителями разных культур имеет больше смысла в порядке Символического, которое, собственно, и вводит субъекта в социальное измерение. Символическое – это, во-первых, язык. Во-вторых, Символическое – это совокупность социальных и культурных норм, запретов и представлений, которые индивид вынужден усваивать в процессе социализации.

Применительно к Символическому Лакан вводит понятие – “Имя Отца”. Оно охватывает всё то, что стоит в культуре между субъектом и объектом желания; оно может пониматься как символ процесса социализации вообще, со всем, что с этим процессом связано (вынужденное овладение языком, репрессивный характер культурных запретов и ограничений). По Лакану, вхождение ребенка в мир Символического отмечается эдиповым комплексом. Согласно Мид, у самоанского ребенка комплекс Эдипа возникнуть не может, поскольку его воспитывает не одна мать и один отец, а “целая армия родственников”. У ребенка на Самоа образ нежной матери и вызывающего восхищение отца размыт и сложен: он

состоит из “целой иерархии взрослых мужчин и женщин, где ребенок может рассчитывать на заботу каждого и должен считаться с авторитетом каждого”[3, 158]. Мид предполагает, что “культуры с большими семьями, семьями, включающими несколько взрослых мужчин и женщин, по-видимому, предотвращает появление у ребенка болезненных установок, получающих различные ярлыки: эдипов комплекс, комплекс Электры и т.д”. Для формирования таких комплексов необходима особая организация семьи – это очевидно. Поэтому “счастливый самоанец” оказывается действительно избавленным от комплекса Эдипа, как его понимал Фрейд. Но, как пишет Фрейд в “Недовольстве культурой”, “человек становится невротичным, так как не может вынести всего объема лишений, который общество навязывает ему в угоду своим идеалам”. Будучи включенным в общество, самоанец не может не столкнуться с деконкретизированной фигурой отца, с тем, что Лакан называл “именем Отца”. К какой бы культуре не принадлежал индивид, процесс социализации, усвоения запретов и ограничений, овладения языком будет носить для него репрессивно-драматический характер. Какой бы “мягкой” по отношению к индивиду ни была культура, она все равно встает между ним и объектами его желания.

По Фрейду, “ценой, которую мы платим за развитие цивилизации, является потеря счастья на почве усиливающегося чувства вины”[4, 210]. Фрейд, очевидно, ведет речь о европейской цивилизации. На Самоа Мид находит культуру, намного больше позволяющую индивиду в сексуальной сфере. “Гомосексуализм, онанизм, статистически редкие формы гетеросексуальной активности не запрещаются и не возводятся в норму”. А увеличение диапазона разрешенных форм сексуальной активности предотвращает “возникновение навязчивой идеи вины, которая столь часто лежит в основе наших невротических заболеваний”.

Возможно; самоанец и не терзаем осознанным или неосознанным чувством вины в той мере, как европеец. Но из относительного многообразия дозволенных культурой форм сексуального поведения нельзя делать вывод о полном отсутствии у ее членов “чувства вины”. Как известно, в основании каждой культуры лежит совокупность запретов и табу, и процесс социализации немислим без ограничения и подавления инстинктов. А каждый отказ от инстинкта, по Фрейд, становится активным источником совести.

И о Воображаемом, и о Символическом Лакан часто говорит в терминах “драмы” и “травмы”. В чем же еще заключается драматизм Символического (помимо того, что оно репрессивно)? Все человеческие существа гораздо более включены в символическую систему и переживают ее влияние, нежели конституируют ее. И это касается не только языка, который, становясь собственником человеческого желания и конструируя его бессознательное, является “Большим Другим” по отношению к субъекту. “Субъект может показаться, конечно, рабом языка, но еще больше рабствует он дискурсу, в чьем всеохватывающем движении место его – хотя бы лишь в форме собственного имени – предназначено с самого рождения”[2, 133].

Родившись, субъект неотвратимо включается в некое отношение, которого он не избирал. Символическое – “...это дискурс контура цепи, в который я оказался включенным. Я лишь одно из его звеньев”[2, 133]. Драма, по мнению Лакана, заключается в отсутствии у человека автономии, в его децентрированности, в том, что не сам субъект, а кто-то *другой* мыслит за него, говорит и решает его судьбу.

Думается, что любой символический порядок, любая культура, обрекают субъекта на то, чтобы быть звеном неизбираемого им дискурса. Так же, как и любой язык делает его “марионеткой

означающих”. Разница в том, что отсутствие автономии, включенность в некий предзаданный порядок и роль марионетки вряд ли могут стать трагическим открытием для представителя “примитивной культуры”, поскольку он, в отличие от европейца, никогда не претендовал на иной статус или иное положение вещей.

Литература.

1. Лакан Ж. Семинары // *Техника психоанализа*. - М., 1999. - Ч.1.
2. Лакан Ж. Семинары // *Я в теории Фрейда и технике психоанализа*. - М., 1999.
3. Мид М. *Взросление на Самоа*. - М., 1989.
4. Фрейд З. *Недовольство культурой* // *Западная социология XIX - нач. XX-го века*. - М., 1990.